

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

КОГО ЗА СМЕРТЬЮ ПОСЫЛАТЬ

ЖИХАРЬ
И К°

Михаил Успенский

Кого за смертью посылать

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53614681
Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2018
ISBN 9780890004203*

Аннотация

Обиделась как-то смерть на многоборских людишек, да и ушла. Казалось бы, живи не хочу! Но обывателю все не ладно. Была смертушка – плохо. Ушла – стало еще хуже. Судили-рядили именитые жители Многоборья: как быть, кого за смертью посылать? Знамо – Жихаря! Он и богатырь, и герой, и вообще – парень хоть куда... Ну и послали... как за смертью...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	22
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Успенский

Кого за смертью посылать

Часть первая

Глава первая

– Дело будет так, – начал я. – Вы будете счастливы, но однажды, путешествуя под водой, наткнетесь на лысого мужчину, сидящего среди водорослей. Вы подумаете, что это водяной царь, но он заговорит с вами по-русски. Вам покажется, что вы поняли, о чем он говорит, но через некоторое время вы, к своему великому ужасу, поймете, что ошиблись.

Рекс Стаут

Хорошо тому, кто умеет всю долгую многоборскую зиму проспать в берлоге, в дупле, в норе под корнями. Неплохо ему! Никакой заботушки о дровах, о припасах, о возможных гостях, а главное – не коснется его зимняя скука, когда со двора выйти невозможно по причине метели, и приходится сидеть в душной натопленной избе с дурной головой и выслушивать в сотый раз надоевшие байки от домочадцев или нечаянных пришлых людей. Издалека-то ведь не придут, но-

востей не доставят!

Зато весной засоне придется туговато: пробудится голодным и злым, а лягушкам, змеям да ящеркам еще и оттаивать предстоит – дело довольно болезненное. Тут человек по сравнению с десной тварью и нежитью в выигрыше окажется.

Лучше всех, конечно, устроились подводные жители. Душновато им подо льдом, понятное дело, зато пребываешь в полусонном виде, когда никто никого почти не ест.

...Для водяного Мутилы всякая весна начиналась одинаково. Когда лед у берегов становился все тоньше, а озеро Гремучий Вир прибывало от многочисленных ручьев, ему снился один и тот же сон: будто бы на берегу стоит на коленях древний старик и зовет хриплым, рыдающим голосом:

– Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!

Кто такой Ихтиандр, Мутило знать не знал, но крики эти спросонья полагал относящимися к себе. Он вскакивал с лежанки, отбрасывал одеяло, сшитое из драгоценного, по причине редкости, рыбьего меха, выскакивал из подводного своего жилища и устремлялся вверх, к солнцу и небу. При этом он изо всех сил врезался в недотаявший лед, и, если бы не тугие рожки, непременно расколотил бы себе голову. Грязно человеческаясь (это ведь только люди чертыхаются, а черти, наоборот, человекаются), он осматривал окрестности своих владений, никакого старика не находил, обиженно взвизгивал и нырял к себе на дно, где со злости пинками пробуждал своих многочисленных слуг – русалку да утопленника.

Но на этот раз водяной черт решил схитрить: пусть проклятый мнимый старик хоть заорется про своего Ихтиандра – Мутило и пальцем не пошевелит, покуда зеркало озера не освободится ото льда.

– Ихтиандр! Ихтиандр! Где ты там, в печенку, в жабры, в рыбий пузырь тебя!

Дороги просохли, а ты все дрыхнешь! Гостя встречай! – доносилось сверху.

Голос был вовсе не старческий. Мутило вздохнул, выскользнул из-под одеяла, прошлепал плоскими широкими ступнями по холодным половицам, отворил дверь и осторожно вышел.

Озеро действительно очистилось – так, редкие льдинки упорствовали еще, но на них можно было не обращать внимания. Мутило крякнул, присел, оттолкнулся от придонного плотно слежавшегося ила и помчался вверх, яростно помогая себе руками, ногами и даже хвостом.

Да, немного плавало льдин, но водяному и одной хватило, поскольку опять он ударился рогами в кусок замерзшей воды, расколол его и зажмурился от яркого света.

А когда разожмурился, то увидел, что снова нет на берегу никакого старика.

Вместо старика на прогнивших мостках стоял здоровенный детина в алом княжеском плаще и орал:

– Ты бы еще до Купального дня провалялся! Лесной хозяин уже весь в трудах, а у тебя скоро и раки последние рас-

ползутся!

От удара в Мутилиной голове окончательно прояснело.

– Жихарь! – воскликнул он. – Княже многоборский! Чего так рано нынче-то? То ли в кости не с кем сыграть?

Водяной быстро достиг мостков и вскарабкался на них.

Князь Жихарь подхватил его, как малое дитя, своими ручищами и поставил себе пред светлые очи.

– Душа горит, – сказал он. – Мочи нет!

– Да, без души-то нашему брату спокойнее, – согласился Мутило.

Князь не побрезговал с ним облобызаться, распахнул полу плаща и показал водяному здоровенную бутыль. Мутило присвистнул.

– Надо же, как тебя допекло, – сказал он. – С какой радости?

– Невместно князю с подданными горькую пить, – вздохнул Жихарь. – Да и от княгини подальше, а то опять начнет... Веришь ли, всю-то зимушку – ни чарки, ни ковша, ни капельки. Среди ночи, бывало, проснешься – а она заговор нашептывает: «Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную, а в моей чаше вода из заторного студенца. Месяц ты красный, сойди в мою клеть, а в моей клети ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор, а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите супруга моего от вина; месяц, отврати милого от вина; солнышко, усмири ясного от вина. Слово мое крепко!» Видишь, наизусть вызубрил!

– Невыносимо, – сказал Мутило. – Ну, где пировать будем – у меня или прямо тут?

– Боюсь, не полинял бы плащ, – сказал Жихарь. – Пойдем в развалюху, я уж там все приготовил...

И они прошли в дряхлую рыбацью избушку, давным-давно стоящую без двери и с выломанными ставнями. В избе Жихарь успел кое-как подмести и расчистить столешницу. На ней стояли две чарки – серебряная и деревянная, для водяного – поскольку нежить серебра не любит пуще железа. Такая забота умилила Мутилу.

– А где же свита твоя? – спросил он, мостясь на лавку.

– Там, в логу оставил, – сказал Жихарь, доставая из мешка домашние постряпушки. – Сказал им так: мол, опять к печальным этим берегам меня влечет неведомая сила. Тому нечего стыдиться, кому дома не сидится!

С этими словами князь вытащил зубами пробку и разлил зелено вино по чаркам.

– Со свиданьем! – провозгласили оба враз и выпили. Крупное личико у князя сразу сделалось красное, как всегда бывает у давно не угощавшихся людей, а у водяника наоборот – пуще позеленело.

Воротившиеся из разных теплых краев птицы наперебой рассказывали друг дружке, где были да что видели. Солнце припекало по-летнему. А комарам и мухам было еще рано жить.

– Три года не виделись, – сказал Мутило. – С самой сва-

дъбы твоей...

Да уж, богатырь постарался созвать на свадьбу всех, кто помогал ему в странствиях. Демон Костяные Уши чуть крылья до самых плеч не изработал, пока разносил приглашения. Сам же Мутило прибыл в Столенград весьма торжественно, в расписной телеге, позаимствованной ради такого случая у Речного царя, сидел при этом в новенькой дубовой кадучке, а русалка его стояла на хвосте, размахивала вожжами и громко свистела. В этой же кадучке водяного и во свояси увозили, чуть тепленького...

Сразу же, не откладывая, выпили по второй, заели пирогами.

– Каково княжествовать? – спросил Мутило. – Сладко ли? Жихарь махнул рукой.

– Знатьё бы – так сроду не пошел. В первую зиму кое-как замирились с кривлянами. Тесть-то мой и особенно теща названная, княгиня Апсурда, разнесли по белу свету, что княжну Карину-де силой приневолили. Хорошо, что уговорил Лю Седьмого перезимовать у меня.

Ой, хитер мудрец, мудер хитрец! Он им и Снегового Змея показывал, и огнями цветными стращал, а слова говорил весьма ласковые да вежливые. Семивражье мы поделили по соседски.

– Ну и будь доволен, – сказал Мутило. – Последнее дело с родней в розни жить.

– Потом чайнец отбыл на родину – что-то там без него

не ладилось. А летом пришлось нам снова туговато: Мундук-хан со своими степняками пошел в набег.

Пока мы мечами препоясывались да копыя вострили, он уже пять деревень разграбил, не считая хуторов и заимок. Полетели мы вдогон, да степняков попробуй настигни! Но тут мой побратим Сочиняй-багатур им в потылицу ударил, прямо нам в лапы погнал. Мундук-хана удушили, завернувши в ковер, остальные к Сочиняю под руку пошли. Он теперь Сочиняй-хан! Договор с ним заключили честь по чести, да только случись в степи засуха – снова могут к нам полезть, не посмотрят и на договор... Степняки же... Не хан погонит, так голодуха...

– Я помню одну засуху, – сказал Мутило. – Я на дне лежу, а из воды нос торчит и все остальное...

Промочили горло, чтобы не было засухи.

– Тебе что ж, там и поговорить не с кем? – спросил водяной.

– А получается, что не с кем, – пригорюнился князь. – Окул Вязовой Лоб из кузни не вылезает, постоянно денег требует – из нашей-то руды не всякая сталь получается. Ругаемся до синевы. Беломор вечно своими делами занят...

Народ на дружинников жалуется. Я им толкую: не надо бояться человека с мечом! Нет, все равно пугаются...

– А жена?

– А что жена? Жена есть жена... – Жихарь пуще пригорюнился.

– Жена есть жена, – передразнил Мутило. – Надобно и за нее выпить... Э, самое-то главное не сказал: детки-то пошли у вас?

– Две дочки, – ответил Жихарь. – Нынче сына ждем. Непременно будет сын, все бабки говорят. Она у меня и разумница, и обращение знает, и понятия всякие, только ведь она природная княжна, а я...

– Нашел о чем печалиться, – хмыкнул Мутило. – Слава о тебе и под водой идет, до морей уже добежала.

– Слава – не родословие, – сказал Жихарь. – Она, Карина моя, то ничего, а то как возрыдает! Ищи, говорит, корни свои, иначе наследник безродный появится, настоящие князья у него живо отнимут вотчину!

– Глупости какие, – скривился Мутило. – Как это вы, люди, любите сами себе жизнь усложнять! Это бабские причуды – ведь и рыба с икрой, бывает, чудесит. Жен-то воспитывать надо – что на суше, что в омуте. Вон по моей русалке разве что печка не ходила, да и то потому, что не положено под водой печи складывать. Зато теперь по одной половине плавает. А сперва-то как причитывала: кабы не ты, изверг, говорит, была бы я теперь прекрасной ундиной в Бонжурии! Врешь, отвечаю: кабы не я, ты бы сейчас на Туманном Острове в холодном Несс-озере страшилой работала! Ей и возразить нечего...

– Богатырям женщин бить не полагается, – сказал Жихарь. – А князьям тем более. Мы ведь не мужики сиволапые!

– Вон ты как заговорил, – хихикнул Мутило. – А откуда же взялась поговорка:

«Князьями не рождаются – князьями становятся»?

– Становятся, это верно, – ответил Жихарь. – У князей ведь и ум устроен не как у прочих людей. Сам в себе замечаю перемены великие! Едешь, бывало, вдоль рубежа, глянешь направо, на родное Многоборье, и думаешь: «Это мое».

Глянешь налево, на соседскую землю, и вдругорядь мыслишь: «А ведь и то, если вдуматься, – мое же!» И страшно становится, и глядишь на себя, как на чужого человека, к тому же противенького... Блин поминальный, да как тяжело-то! Одна надежда – что сын вдруг возьмет и возмужает в один день. У меня такое уже бывало. Тогда сложу я с себя знаки власти, посажу его на престол, а сам поеду подвигов искать... Веришь ли – недели для себя не выкроишь! Ну, давай, за княгиню, за дочерей...

Они еще раз подняли чарки, опростали их и оба задумались.

– Хорошо, когда только сам за себя и отвечаешь, – продолжил богатырь свои страдания. – А тут об каждом думай! Это какую же голову иметь надо!

Чей-нибудь дитенок в яму сверзится – дура-мать не доглядит – а ты мучаешься, словно сам виноват...

– Это оттого, что у людей в нагрузку к душе еще и совесть прилагается, – наставительно сказал Мутило. – То ли дело нам! Не хватало мне еще всякую икринку обихаживать,

в улиткины заботы вникать! Конечно, когда среди рыбы замор начинается, надо что-то делать, так это же в редких случаях...

Чувствую, что не бояться тебя – отсюда и все беды.

– Я не Гога с Магогой, чтобы от меня людям шарахаться, – сказал Жихарь и чуть не заплакал.

– Ладно, что-нибудь придумаем. Будь проще – и люди к тебе потянутся! – важно сказал водяной черт, словно век занимался княжескими делами. – Как там Демон существует? Оклемался или нет?

Жихарь невольно расхохотался и даже утешился. На свадьбе Демон Костяные Уши, как старший по возрасту (свету белому ровесник), назначен был тысяцким; побратимы же новоиспеченного князя пребывали в звании простых сватов и дружек. От такой чести Демон возгордился неслыханно и взмыл в небо, да так высоко, что достиг областей, где всякий воздух кончается и начинается вечный мороз. Там Демон мигом застыл в ледышку и рухнул вниз, где ему суждено было разбиться на мелкие кусочки. Но гуляли, к счастью, не в княжеских палатах, а на берегу пруда – чтобы было где остужать хмельные головы. Демон туда и ухнул, а Мутило кинулся доставать. К вечеру тысяцкий оттаял, пришел в себя, но стал малость заговариваться, а демонята, уже приспособившиеся к почтовой службе, жаловались потом, что, мол, папаша стали какой-то отмороженный.

– Оклемался, – сказал Жихарь. – Только во время разго-

вора пальцы врасстопыр держит, – и показал, как именно держит нынче пальцы Демон Костяные Уши.

Выпили и за отороженного. Водяник навалился на людскую стряпню – после зимней спячки все равно чем брюхо набивать.

– Может, пару утушек изловить да зажарить? – предложил Мутило, видя, сколь быстро изводится закуска.

– Не вздумай! – нахмурился рыжий князь. – Они сейчас гнезда выют, я всякую охоту на это время запретил...

– Это ты своим запретил, – сказал Мутило. – А щуке попробуй запрети! Она такой визг подымет! У меня, гляди, вон какой рубец остался!

– Не боятся они тебя, – подковырнул Жихарь. – А ведь Гремучий Вир на моей земле – стало быть, и законы мои...

– Под водой живут не законом, но обычаем, – заметил водяник. – Ладно, это все пустословие, давай про родословие. Всякий князь, известное дело, свой род к богам возводит. Вот и про тебя века через два-три сочинят, что, мол, Перуну внучек, Яриле сыночек...

– Уже сочиняют, – нахмурился Жихарь. – Дескать, дочка мельника из-за меня здесь утопилась, а сам мельник одичал с тоски и превратился в ворона здешних мест...

Мутило хлестко всплеснул перепончатыми лапами:

– Ну люди! Ну ума у них! Откуда же на озере взяться мельнице с мельником!

Это же не запруда! Однако терпи, раз героем стал. Еще и

не такое про себя услышишь... Если доживешь до беззубых лет... Высоко залетел, надо быть скромнее. Вот мне по молодости, помнится, предлагали одно озерко – далеко-далеко на востоке. Там не озеро, а целое пресное море, по нему в бурю и волны морские ходят. Так я отказался.

– А чего так?

– Волны, говорю, ходят в бурю человек знает какие и рыбацкие лодки переворачивают в холодающую воду. Утопленников полно. А я здесь и с одним-то замучился каждый день ему заделье придумывать, чтобы глаза мне не мозолил. Там же таких целая ватага. Ну, мой-то старательный, скоро будет на чин водяного испытание держать, найдут и ему водоем...

– Постой, постой! Так водяники, выходит... Вон как! Чего же про тебя говорили, что ты полукровка, ведьмин сын?

– Люди говорили, – уточнил Мутило. – Люди. Вы вечно все перевернете... Сам ведь такой же... Брехло, хоть и князь... Не может у водяника с человеческой бабой, даже и с ведьмой, быть потомства.

– Это верно, – согласился Жихарь и потряс бутылку, словно от этой тряски зелена вина могло прибавиться. – Все мы врем и подвираем, а правду только вино и способно выгнать на свет. Ведь и меня не ведьма поедучая в печку пихала, а простая старушка. Квелый да чахлый был я во младенчестве, вот она меня из разбойничьей избы забрала и к себе принесла лечить, а я по глупости на весь лес орал: «Кот и Дрозд, спасите меня!» Бабка меня обмазала тестом и сунула на ло-

пате в печь – чтобы, значит, дошел до полной силы... После этого полагается дитя еще поганым корытом накрыть, а потом из-под корыта достать, будто бы заново народившегося. Но тут прибежали Кот с Дроздом, видят такое дело, собрались бабку зарезать по обвинению в людоедстве, да она того не дожидалась: в окошко сиганула, как молодая. А потом сочинили и про ведьму, и про мои малолетние подвиги...

– Правда и без вина вылезет, – наставительно сказал Мутило. – Меня маленького та же самая бабка сюда, на Гремучий Вир принесла от родимчика пользоваться водою с лунной дорожки. А люди подумали, что топить. Базлали так, что я перепугался, со страху бабке чуть нос не откусил, затрепыхался и в воду ухнул. О чем, кстати, не жалею. На земле бы я уже давным-давно состарился и помер. А в воде и человек медленно движется, и время не скоро идет. Хорошая ведь бабушка была, ославили ее зря...

Выпили за необоснованно ославленную бабушку. Зелено вино, употребленное в достаточном количестве, помаленьку разогнало грусть-печаль. Жихарь этим решил воспользоваться.

– Вот еще что, – сказал он. – Просьба к тебе от всего Многоборья. За боями и трудами оскудела наша казна. Так вот, нельзя ли моим людям для поправки жизни устроить на твоём озере рыбный промысел? Просеку прорубим, проторим прямую дорогу, будем рыбу солить, коптить, торговать... Ну, тебе жертву каждую весну, как положено – лучшего коня...

Мутило задумался. Потом показал Жихарю кулак – но не в смысле угрозы, а в смысле отказа – просто из-за перепонок водяник не может собрать пальцы в кукиш.

– Вот тебе – промысел, – сказал он, – Знаю я ваши промыслы. Во-первых, твои ухари тут все выловят под метелочку. Сети сплетут такие, что малек не уйдет. Потом, чтобы озеру не пропадать, начнут на берегу какие-нибудь пакости делать – например, кожи дубить. И потечет в Гремучий Вир всякая дрянь, так что даже лягушки отравятся. А под конец люди и сами поселятся – бани построят, отхожие места возведут, начнут стирать, лишних котят да щенят топить...

– Не допущу! – грохнул кулаком Жихарь.

– Ты не вечный, – возразил водяник. – А озеру еще многие века быть! Эх, отчего вы такие жадные?

Жихарь ничего не ответил и только глядел на водяника с большим изумлением.

Вместо придурковатого водяного черта перед ним вдруг предстал мудрый и твердый вождь маленького племени, готовый за это племя биться до последней капли зеленой крови. А он-то думал, что запросто уговорит Мутилу подмахнуть урядный договор...

– Ну, сейчас, по весне, у вас голодуха, – смягчился Мутило. – Присылай людей с возами, с коробами – насыплем, так и быть. Соседей надо выручать. А чтобы строиться-селиться, даже не думайте. Деньги он замыслил на вольном озере зарабатывать! Хорош друг!

Пристыженный Жихарь разлил последние капли.

– Сам видишь, что со мной престол делает, – пожаловался он. – Весь я не в себе и себе не хозяин... Только где же денег купить?

Мутило опять задумался, но уже над другим.

– Утоплого, что ли, за вином сгонять... Эх! – неожиданно крикнул Мутило и даже подпрыгнул на лавке. – Размять надо кости! И тебе, князенька, необходимо развеяться! Пошли на Полелюеву Ярмарку! Давно я не ходил в люди, не красовался в торгу!

– Вот говорят: Полелюева Ярмарка, Полелюева Ярмарка, – заметил Жихарь. – Ото всех я слышал про нее, а сам ни разу не видел. Во младости все как-то ноги не доходили, нынче дела замучили...

...Полелюева Ярмарка была ярмарка не простая, но чудесно обретенная. Много лет назад парнишка по прозвищу Полелюй нанялся на три года в ученики к известному в те времена колдуну Орлыге. Орлыга простоватого парня до волшебных кошунов не допускал, составлению снадобий не учил, а гонял три года по хозяйству, как проклятого. Работником Полелюй оказался старательным, не вороватым по причине все той же простоватости, и Орлыга, колдун в общем-то не самый вредный, наградил его за труды расписным яйцом.

Наказал яйцо разбить только тогда, когда работник вернется в родное село.

Но простоватый Полелюй не утерпел и, сильно проголодавшись на обратном пути, решил кокнуть яичко на лесной поляне, где и отдыхал. И стоило яйцу разбиться, как вокруг изумленного паренька зашумела, загудела ярмарка, закрутились карусели, воздвиглись лавки и загорланили лавочные сидельцы, расхваливая свой нехитрый товар, забегали многочисленные покупатели вкупе с мелкими жуликами и крупными воротилами. Главное – никто из этого народа не удивился, очутившись вдруг в незнакомом лесу – Полелюй стоял среди пестрого и шумного торга, разинув рот...

Если бы дело происходило в сказке, то к нему подошел бы неведомый человек и предложил свернуть ярмарку обратно в яйцо, а взамен потребовал того, что Полелюй дома не чаял. Так в сказках всегда бывает. А в жизни простоватый парнишка рот захлопнул, пораскинул мозгами и объявил народу, что кабы не он, Полелюй, то ярмарка бы продолжала томиться в скорлупе неведомо сколько, и поэтому ему, Полелюю, полагается десятая часть со всякого барыша.

Сперва толпа хотела растерзать парня за дерзость, но потихоньку стали люди припоминать, что да, тесновато было в яйце, торговля не расширялась, перекладывали, по сути, деньги из одного кармана в другой, давненько не завозили свежего товару, и даже монеты от частого хождения по рукам давным-давно истерлись.

Кроме того, в силу чудесных свойств расписного яйца, поляна оказалась на ничейной земле, непонятным образом

раздвинув рубежи многоборских и прочих владений. Стало быть, никакому князю ничего платить не надо – ни даней, ни пошлин. Такие места по стародавнему обычаю именовали почему-то «обжорными зонами». Сам Полелюй объявлять себя князем благоразумно не стал, а согласился принять звание ярмарочного старосты, да вдруг и повел дело с таким размахом, что ярмарка его имени скоро прославилась во всех окрестных землях, не прекращаясь ни на день – кроме самых заповедных праздников...

Выходит, правильно колдун Орлыга не учил его чародейным делам, способности у Полелюя были к другому, а до известного торгового заклинания «Товар идет – деньги ведет, деньги идут – товар ведут», он и сам природным путем додумался. Еще до того, как седая борода выросла...

– На ярмарку... – Жихарь задумался. – Ну... Я как-то и не собирался даже...

И жену не предупредил... Мошна, опять же, пустая...

– Подарок привезешь – простит, – заверил его Мутило. – И народ там всякий собирается – может, и узнаешь чего про свое родословие... Что же касается денег – будут тебе и деньги, коли исполу со мной торговать согласишься...

– Да хоть лягушек бонжурцам продавать. Только надо бы вернуться, свиту мою оповестить, – сказал Жихарь. – А то подумают еще, что утопился я в Гремучем Виру с горя и безденежья... Я ведь из дому в больших сердцах уезжал...

– Князь во князьях, – с вреднейшей отравой в голосе ска-

зал Мутило. Он вышел на мостки и заорал: – Эй, господа караси! Извольте ли меня, владыку подводного, на ярмарку отпустить? Согласия вашего спрашиваю!

Тотчас же поверхность озера покрылась множеством пятнышек: то были открытые рыбы ротики.

– Чего? – водяной приложил лапу к ушной дырке. – Не слышу! Молчат – стало быть, согласны. Ну и человек с вами. Утоплый, за меня остаешься на хозяйстве...

– Постой, – сказал посрамленный князь. – Полелюева Ярмарка – не ближний свет. Если бы нам туда еще затемно выйти... А то явимся к шапочному разбору.

С этими словами богатырь повернулся лицом к лесу, приложил ко рту ладони и крикнул:

– Калечина-Малечина, сколько часов до вечера?!

– Целая дюжина! – откликнулся из чащи визгливый голос.

(В тех краях, где Калечина-Малечина не водится, люди вынуждены узнавать время с помощью всяких мудрых устройств, водяных капель и мелкого песка.)

– Всего-то? – огорчился Жихарь.

– Не гунди, не пешком пойдем, – дерзко утешил его Мутило. – Решил я тебе полное доверие оказать...

Водяник, несмотря на перепонки, засунул два пальца в рот и оглушительно свистнул.

Глава вторая

*Чуть не в каждой галерее
Есть картина, где герой
Порываясь в бой скорее,
Поднял меч над головой.*

Генрих Гейне

Кони любят, когда человек их купает, зато плавать не ахти горазды. Конечно, при нужде конная дружина реку пересечет – особенно если известны броды. А вот когда река очень широкая, или если это не река даже, а море, тут и самый дорогой и выносливый жеребец не сойдется. Попадет ему вода в уши – и все, дальше пешком иди, коли сам, конечно, выплывешь.

Но в воде кроме рыб, раков и водяников с русалками водятся и свои водяные кони. Есть они и в реках, и в морях, и земным лошадям с ними не равняться ни в красоте, ни в резвости, ни в своенравии. Принц Яр-Тур в свое время немало порассказал Жихарю про чудеса своей страны на Туманном Острове. Там идет путник мимо реки и видит, что пасется на берегу конь королевских статей. Если путник молод и смел, он, конечно, попытается на это чудо вскочить, обратять и дальше двигаться верхом. Вскочить на себя водяной конь позволит, зато уж потом! Будет носить бедолагу долго-долго по лесным дебрям, куда всего не растреплет о ветки да

сучья, а коли не растреплет, то бросится вместе с всадником в ту же реку. Только и видали всадника!

Водяной же конь будет ржать от злого веселья.

Зовут этих злодеев в той стране по-разному – келпи, ракушники, аванки, брэгги, кабилл-ушти и даже эх-ушки. А в Многоборье их совсем никак не зовут – не водятся они ни в реках, ни в озерах, без них жителей хватает. И несчастий тоже.

...Жихарь даже дыхание где-то потерял, глядя на чудо, вышедшее из озера.

Хорошо еще, что не было с ним в товарищах Сочиняй-хана! Степняки любят лошадей до беспамятства, и певец непременно окочурился бы от восхищения.

Все табуны свои отдал бы Сочиняй-хан за этого жеребца, и все равно остался бы ханом...

Масти конь был вороной, но сзелена, и временами солнце сверкало на его боках ярко, как на глади полуденного озера. Только по этой примете можно отличить водяного коня от обычного. Ну и по стати, ясное дело.

– Ты его... это... где? – еле собрал слова Жихарь.

– В кости выиграл, – потупился Мутило. – После твоих рук кости совсем стали счастливые. Что ж ты думал, мы дурней вас живем? У нас тоже свои ярмарки есть и прочее...

– Он меня к себе и не подпустит, – усомнился богатырь.

– На, – водяник сунул ему в руку мокрые ветхие ремни. – Наденешь – твой навеки.

Жихарь, не веря неожиданной удаче, подошел к водяному коню (тот лишь повел зеленым глазом) и осторожно, бережно взнуздал.

– Признал, – хмыкнул Мутило. – Вот на нем и поедем. Ты впереди, а я за тебя уцеплюсь.

Жихарь крепко держал уздечку, ожидая, что чудо-жеребец в любой миг может кинуться назад в озеро.

– Неловко в княжьем-то плаще, – сказал он наконец. – Да и тебе, брат, знаешь... Зелененькому-то...

– Сам ты зелененький, – обиделся Мутило, трижды обернулся на беспятой лапе и перекинулся в невысокого старичка в долгополом кафтане болотного цвета.

Запахнут кафтан был на бабью сторону, а с левой полы на траву помаленьку капало.

Водяные действительно любят побродить по торговым рядам в базарный день, а уж на ярмарках бывают непременно – на любой хоть одного да отыщешь по сырому следу. Иначе откуда бы они так хорошо знали людскую жизнь?

– Добро, – сказал Жихарь. – Только как же мы туда без денег-то явимся? У меня с собой казны – две полушки...

– Коня продадим и с деньгами будем, – зевнул Мутило.

– То есть как продадим? – закричал Жихарь. – Этакую красоту продадим? У тебя, видать, все мозги водой разбавило!

Он еще сильнее вцепился в уздечку. В кои-то веки попался подлинно богатырский конь – и сразу с ним расстаться!

– Мы ж его без уздечки продадим, – спокойно сказал Мутило. – Потому что без уздечки не считается...

– Значит, он, Мара, уже в Окаянии не царствует? – ахнул Жихарь.

– Цыгана и на престоле не удержишь, – гордо ответил Мутило, словно и сам принадлежал к бродячему племени. И человек, и водяник прикованы бывают к месту жительства, поэтому они равно завидуют цыганской свободе: живет же хоть кто-то на свете по вольной волюшке! – Цепи он потихоньку перегрыз и снова теперь по лошадиной части подвизается...

– Ну, Стрибог ему в помощь, – великодушно разрешил князь. – Только как же мы его обманем, когда он сам всех обманывает?

– Ты, главное, уздечку снять не забудь... Жихарь вспомнил, как коварный цыган увел у них с Яр-Туром коней на полном скаку, и ожесточился. Так ему, Маре, и надо будет!

– Все равно же только к вечеру поспеем... – сказал он.

– Да маленько пораньше, – ответил Мутило. – Без седла удержишься?

Богатырь побагровел и не стал отвечать на дурацкий вопрос.

Хоть Мутило и перекинулся человеком, нос его все-таки напоминал щучье рыло.

Этим рылом он повел по воздуху.

– Непогода идет, – вдруг сказал он, хотя солнце палило всюю. – И не просто непогода, а что-то похуже...

– Может, обгоним грозу, потягаемся с Перуновыми конями? – предложил богатырь.

– Да какая гроза, – с неожиданной тоской сказал Мутило. – Человек его побери, все-таки он своего добивается... Эх, ладно, уводи, князь, коня, кличь его Налимом, а я тут попробую отбиться...

– От кого?

– Уезжай, говорю, тут не про людей спор... Вот и съездил на ярмарку...

– Да в чем дело-то?

Вместо ответа водяник как-то жалко хлопнул.

– Тебе бы озеро проиграл – не жалко, – сказал он. – А ему – так даром отдай! Он же тут все до песка высосет, а потом всю мою живность где-нибудь над горами рассыплет, где и рыбы живой не видели...

– Кто – он? – не унимался Жихарь.

– Ты еще здесь? Скачи, хоть коня спасешь...

– Ну уж нет, – сказал богатырь. – Тут моя земля, и я на ней всякого обязан защитить – человек ли, нет ли...

– И далось вам всем мое озеро, – заныл Мутило. – Мало ли на свете иных озер... У рыб самый икромет...

Стало трудно дышать даже князю, а водяник вовсе хватал воздух человеческим ртом. Зашумели вековые сосны. Понесся гул и треск.

Богатырь вскинул голову. Выше деревьев, выворачивая их с корнями и разбрасывая по сторонам, шел мутный кривой

столб с воронковидным навершием, словно огромная скособоченная бледная поганка решила прогуляться, творя свою поганкину волю. От столба даже издали несло жаром.

– Видишь, в какой он нынче силе? – просипел водяник. – Засуха будет, он уже с неба всю воду выпил, теперь земной добирает... Уводи коня, коня сбереги хоть у себя на дворе в колодце... Конь ему на четверть глоточка...

Вот уже хлопнулась в озеро, размахивая широкими корнями, первая сосна.

Столб пошел вдоль берега, примеряясь, как ловчей зайти на середину Гремучего Вира.

Убежать очень хотелось, причем как можно дальше. Жихарь закрыл глаза и стал мысленно считать пальцы на руках и ногах у себя и у других, воображаемых людей. Считал, куда не вспомнил, что это за беда идет и как с ней предписано бороться в ученых книгах. По книгам-то выходило довольно просто, а по жизни...

Меч здесь не годился.

Озерное зеркало затянуло рябью, раздался отвратительный звук всасываемой влаги...

Жихарь выхватил засапожный нож – старый, надежный, заговоренный – и с полного размаха метнул его в середину столба.

Раздался постыдный визг, и столб сгинул, рухнув в озеро потоками украденной было воды, а вместе с водой в озеро пал некий человек и начал быстро-быстро загребать одной

рукой к берегу.

Сразу же, словно ниоткуда, налетели облака и пошел дождь.

– Ну, теперь-то уж нам точно конец, – пообещал Мутило. – Это же Зубатый Опивец, из главных планетников...

Планетники, несмотря на громкое имя, никакого отношения к занебесным делам не имеют. Они обретаются в тучах и устраивают на земле погоду. Или непогоду – смотря по настроению. Ссориться с ними ни один человек в здравом уме не будет, а будет выпрашивать солнышка либо дождя. Просить, конечно, принято богов – того же Перуна, Ярилу или ветреного Стрибога. Но всякий жалобщик и ходатай знает, что не главные начальники вершат дела, а их приказчики да управители. То же самое и с погодой...

Выходят планетники из заложных мертвецов, которые еще при жизни решили доспеть себе такую беспокойную участь и договорились на этот счет в Нави, принеся кровавую жертву...

Зубатый Опивец выбрался на берег, даже не взглянув на протянутую Жихарем руку. Рожа у него была желтая, редкобородая, глаза как два рыбьих пузыря, а по числу зубов в широкой пасти он явно стремился догнать самого Мироеда. В левом плече планетника была рана – из прорехи в длинной рубахе сочилась какая-то малоприятная жидкость, заменяющая умрунам кровь.

– Ага, – прошептал Жихарь. – Я давно заметил, что самые

страшные чудовища – это которые с человеческим лицом...

Опивец пустил из пасти долгую водяную струю.

– Земной порядок, значит, нарушаем, – сказал он. – Срываем горы и создаем моря... Понятно...

– Ну ты, – сказал Мутило. – Не вяжись к человеку. Это я за свое озеро вступился...

– Нет, – сказал богатырь. – Я на этой земле князь. За все с меня ответ.

– Кня-язь, – насмешливо протянул планетник. – От меня императоры плачут и дочерьми откупаются, а тут кня-язь...

– Давай перевяжу, – предложил Жихарь. – Сам посуди, как тебя было не остановить – высосал бы озеро... Высушил ручьи...

– Кто бы говорил! – возмутился планетник. – Для меня вода – что для тебя зелено вино: сосу и тем пьян бываю. А не приходило тебе в дурную твою голову, что в вине тоже малые человечки алкалоиды живут, и в утробу к тебе лезут без всякой радости? А? Вот так же и вы для меня. Буду жаловаться Перуну, он тебя уже громом-то шархнет...

– Ну, Перун-то, положим, тебе на засуху полномочий не давал, – заметил Мутило.

– А ты почему знаешь? – взвился планетник Опивец. – Мне, может, кто поглавней Перуна... – и, как бы спохватившись, захлопнул с лязгом зубастую пасть.

– Ась? – снова приложил лапу к ушной дырке Мутило. – Поглавней Перуна? Кто же он такой будет?

– Это я так... к слову. Какую бы мне с человека виру взять за урон здоровью?

– Меч возьми, – хмуро сказал Жихарь. Он-то ожидал честного боя, а тут всякие разговоры да жалобы... Но рассеки он планетника мечом – все его собратья оскорбятся и выморят Многоборье жарой либо водой... – Или меня головой возьми, – потрянул он кудрями.

– Водяного коня прими, – предложил Мутило. – Давай людей сюда не впутывать.

Все равно я его на ярмарку вел продавать...

– Больно нужен мне твой конь, – проворчал Опивец. – Больно нужен мне твой князь... У него и дочери еще малолетние... На ярмарку собрались, говорите?

– На ярмарку, – хором ответили князь и водяник, подобно провинившимся мальчишкам.

– Велено мне... Тьфу ты, – поправился планетник, – решил я так: пожертвуешь мне от чистого сердца самую бесполезную покупку, тогда тебя и прощу...

Может быть... Не будешь другой раз в пьяном виде за нож хвататься! Кто на руку резок, тот вдовец будет...

Несмотря на недавний раздор с женой, оставаться вдовцом молодому князю никак не хотелось.

– Да я... – сказал Жихарь. – Да я тебе – хоть что! Пряников там, платков пестрых... Княжье слово даю!

– Невелика цена князьему слову, сам знаешь, князья первые вероломны, – ухмыльнулся Опивец. – Ты мне лучше бо-

гатырское слово дай – так надежнее!

– Даю и богатырское! – махнул рукой Жихарь. – Самая бесполезная покупка – твоя! Куда ее тебе представить?

– А хоть сюда же, – сказал планетник. – Я сам за ней приду в свое время.

Он шлепнул по Жихаревой ладони горячей рукой, отряхнулся, как собака, и зашагал прямо в лес, не разбирая дороги.

– Эй, ты куда? – окликнул Опивца водяник. Все-таки они были родня, как ни крути.

– С Боровым есть разговор! – крикнул планетник, не обращившись. – Он, сказывают, про меня обидную песню сложил...

– За меня еще добавь! – крикнул вслед Мутило. – А то завел обычай – оскорбительные песни слагать, – пояснил он Жихарю. – Даже про Морского царя! Да и своего собственного Лешего ни во что ставит этот Боровой! Один он хороший!

Богатырь стоял в оцепенении.

– Дешево я отделался... – сказал он наконец.

– Как-то даже слишком дешево, – задумался Мутило. – Тут какой-то подвох...

Надо же – самую бесполезную покупку! С каких щей он так нынче раздобрился, человек его задери?

– Знаешь что? – сказал хитрый Жихарь. – Как приедем на Полелюеву Ярмарку, ты мне напомни, чтобы я первым делом

самый черствый печатный пряник купил.

Пушай подавится на здоровье!

А потом снова взглянул на коня Налима – и позабыл про все на свете.

Глава третья

*Хлеб – всему голова.
Пословица*

Сопровождавшие Жихаря дружинники, числом трое, без всякого удовольствия услышали, что князь в них более на сегодня не нуждается, поскольку собрался по важному и секретному державному делу на ярмарку. Им предстояло нынче объясняться с княгинею, а от нее, как от всякой женщины в тягости, можно было ожидать чего угодно. Смертью, конечно, не казнит, но зато такого наслушаешься – и обыденных слов, и тех, что она в своих книжках вычитала...

Дружинники поворчали, приняли алый плащ и позолоченный шлем и неспешно потопали по лесной тропе, ведущей на дорогу.

Ехать на водяном коне, если он покорился седоку, не в пример приятней, чем на обычном, даже и без седла. Ведь у водяного коня нет никакой хребтины, спина мягкая, сулящая седалищу всадника большое облегчение. Словно бы несет тебя речная стремнина...

– Так мы и вправду до вечера не доберемся, – рассердился Мутило, пристроившийся за княжеской спиной и вцепившийся лапами в широкий кожаный пояс Жихаря. – Тоже мне богатырь! Трюх-трюх, трюх-трюх... Не на водовозной кляче

едешь! Смелее надо! Отчего шпоры-то не надел? Тогда каб-луками его изо всей силы! Не бойся, не поранишь!

– Не начал бы конь ликовать, – сказал Жихарь. – Дело незнакомое... Да и лес тут густой, влепит он нас в дерево за милую душу... Тебе-то что – ты только рожу об мою кольчу-гу поцарапаешь, а мне какво придется?

– Как мы о своем княжьем здоровьице-то печемся! – ска-зал Мутило и пребольно, даже сквозь кольчугу, ущипнул бо-гатыря. – Давай тогда я сяду вперед, а ты, главное, кафтан мне не порви – новый покупать будешь!

Этого Жихарь никак уж не мог стерпеть. Он свистнул от-чаянным степным посвистом, развел, сколько мог, ноги, и изо всех сил ударил коня Налима по бокам.

Налим заржал – хотя ржание было не конское, а скорее человеческое, – и пошел борзо, как и полагается водяному коню. При этом он ухитрялся миновать все сосновые ство-лы, изгибался совершенно немислимым образом, и богатырь почувствовал себя как в какой-то многоколенной трубе, под-хваченный бурным потоком. Временами конь резко скло-нялся вбок, отчего седоки едва не бороздили локтями зем-лю. Жихарь намотал уздечку на правую руку, впился паль-цами левой во влажную гриву и мечтал только о том, чтобы не упасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.